2-й экз.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

БИБЛ. ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв. № 2011/р

СОДЕРЖАНІЕ № 7

24672

		стр.
1.	БЕЗЪ НЕБА. Повѣсть. *(Окончаніе).* **Д. Айзмана**	3
2.	ГРАНИ. Повѣсть. *(Продолженіе).* **С. Гусева-Оренбургскаго**	33
3.	MODES ET ROBES. Разсказъ. **К.** и **О. Ковальскихъ**	60
4.	ИЗЪ „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЫ". **Л. Пфау.** Стихотвореніе. **Вл. Лихачова**	79
5.	ПОСЛѢДНІЙ ОБѢДЪ. Новелла. **Карла Шенгера.** Переводъ съ нѣмецкаго	80
6.	НА ВЫБОРЪ. Стихотвореніе. **Вл. Лихачова**	87
7.	ПЛЮЩЪ. Романъ **Граціи Деледда.** Переводъ съ итальянскаго. (*Продолженіе*)	88
8.	*** Стихотвореніе. **Гликберга**	112
9.	СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМЪ И ЕГО ДЕНЕЖНЫЙ АППАРАТЪ. **М. Бернацкаго**	113
10.	МОЯ ЗВѢЗДА. Стихотвореніе. **Сергѣя Кречетова**	136

СТР.

11. ОТЪ АТОМА КАНАДА И ДЕМОКРИТА ДО ЭЛЕКТРОНА НАШИХЪ ДНЕЙ. (*Продолженіе*). **В. Агафонова** 1
12. ФИЛОСОФІЯ И СОЦІОЛОГІЯ МОДЕРНИЗМА ВЪ ГЕРМАНІИ. (*Окончаніе*). **Гр. Полонскаго**. 23
13. КОНСТАНТИНЪ МЕНЬЕ. **В. Львова-Рогачевскаго** 44
14. ПОЛОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ. **Д. Жбанкова** 54
15. РОССІЯ НА БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКѢ. **Х. Раковскаго** 91
16. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Въ Амурскомъ краѣ. **А. Вережникова.** Быстрая смѣна. **І. Ларскаго**. 91
17. НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. И. ГЕРЦЕНА **В. Богучарскаго**. 146
18. ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА (Замѣтка). **М. Невѣдомскаго**. 154
19. ВЫБОРЫ ВЪ ФИНЛЯНДІИ. **А. Егорьевскаго** 162
20. ЗА РУБЕЖОМЪ. Наша внѣшняя политика. **К. Вейдемюллера** . 171
21. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. *Валерій Брюсовъ*. Всѣ напѣвы. Стихи.—*Андрей Бѣлый*. Урна. Стихотворенія.—*Гумилевъ*. Романтическіе цвѣты.—*Б. Диксъ*. Стихотворенія. *Вл. Пястъ*. Ограда. Книга стиховъ.—*Ал. Н. Будищевъ*. Бунтъ совѣсти.—*Гербертъ Джорджъ Уэллсъ*. Собраніе сочиненій. Томъ I.—*Гербертъ Джорджъ Уэллсъ*. Собраніе сочиненій. Томъ II.—*Алексѣй Веселовскій*. Герценъ—писатель.—*А. С. Пругавинъ*. Въ казематахъ.—*М. А. Рейснеръ*. Духовная полиція въ Россіи.—*М. Ростовцевъ*. Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ.—*А. Брамъ*. Въ поискахъ «ортодоксіи».—*Х. Лебедь-Юрчикъ*. Сахарная промышленность въ Россіи.—*Юліусъ Платтеръ*. Основныя ученія политической экономіи.—*Л. Робинсонъ*. Историко-философскіе этюды. Вып. I.—*Вл. Ильинъ*. Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ. *Б. Райковъ*. Первыя работы по анатоміи и физіологіи. 183

Въ настоящемъ номерѣ журнала помѣщены слѣдующія объявленія:

На обложкѣ: „Ясная Поляна", „Стенографія Жовотовскаго", Книгоиздательства „Міръ Божій", Журнала „Современный Міръ".

Послѣ текста: Магазинъ Дойникова, „Здоровье есть богатство", „Боржомъ", Товарищества „Ж. Блокъ", Новыя изданія кн-ства „Міръ Божій".

Типографія Спб. акц. общ. „Слово". Ул. Жуковскаго, 21.

своего собственнаго организма. И Клодъ Брюнэ, дѣйствительно, сомнѣвался въ немъ. Нельзя не похвалить его за неустрашимую логичность.

Г. Плехановъ.

Вл. Ильинъ. Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ. Критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи. Изданіе „Звено". Москва. 1909 г. Стр. 438. Ц. 2 р. 60 к.—Философское основное содержаніе этой книги можетъ быть изложено очень кратко. Вотъ это содержаніе.

Эмпиріокритицизмъ представляетъ по существу возрожденіе философіи Беркли и Юма. Провозглашая себя научной философіей, соотвѣтствующей методамъ и задачамъ современнаго естествознанія, эмпиріокритическая теорія познанія, являясь на дѣлѣ субъективнымъ идеализмомъ, находится въ явномъ противорѣчіи къ дѣйствительнымъ основамъ положительной науки. Въ своей мнимой борьбѣ противъ метафизики и кантовой вещи въ себѣ эмпиріокритики не подвинулись впередъ, а ушли далеко назадъ. Вещь въ себѣ Канта подвергалась критикѣ съ двухъ сторонъ. Это понятіе критиковали и справа, и слѣва. Мыслители праваго крыла, устранивъ съ поля опыта кантову вещь въ себѣ, вернулись къ философіи Берклея и Юма. Мыслители изъ лѣваго лагеря, матеріалисты, возстали противъ кантовой вещи въ себѣ съ другой точки зрѣнія[1]). Признавая вмѣстѣ съ Кантомъ внѣшнюю реальность, матеріалисты отвергаютъ въ то же время вещь въ себѣ. Вещь въ себѣ Канта отличается отъ реальности, признаваемой матеріалистами, тѣмъ, что первая, будучи совершенно оторванной отъ явленія, остается по сторону его, образуя интеллегибельный міръ, между тѣмъ какъ вторая связана съ явленіемъ, проявляется въ немъ, составляя, такимъ образомъ, дѣйствительный источникъ опыта. Далѣе, *сущность* и основа матеріализма состоитъ именно въ томъ, что онъ признаетъ внѣшнюю, объективную реальность, существующую независимо отъ субъекта и причиняющую наши ощущенія. Этимъ исходнымъ кардинальнымъ положеніемъ опредѣляются съ точки зрѣнія матеріалистической теоріи всѣ проблемы, затрагиваемыя философіей, какъ и научнымъ мышленіемъ вообще.

Таковы главныя положенія лежащей передъ нами книги.

Вдумчивый, внимательный и незабывчивый читатель, слѣдившій за философской полемикой различнаго рода эклектиковъ-марксистовъ съ ортодоксальными марксистами, сразу замѣтитъ, что *по существу* Ильинъ не сказалъ ничего такого, что не было бы высказано раньше послѣдними. Бѣда, однако, не въ томъ, что въ книгѣ Ильина нѣтъ новыхъ мыслей; подчасъ разработка уже высказаннаго извѣстнаго взгляда можетъ быть чрезвычайно интересна и чрезвычайно оригинальна, если только она, эта разработка, отличается серьезной, вдумчивой и тонкой аргументаціей. Но, увы! книга Ильина не обладаетъ такими качествами. Въ аргументаціи автора мы не видимъ ни гибкости философскаго мышленія, ни точности философскихъ опредѣленій, ни глубокаго пониманія философскихъ проблемъ. Въ общемъ книга состоитъ изъ громаднаго количества выдержекъ, взятыхъ изъ различныхъ произведеній философскихъ писателей, и множества справокъ хронологическаго свойства. Такой эклектическій способъ изложенія, дѣлающій чтеніе книги крайне утомительнымъ, врядъ ли можетъ содѣйствовать развитію философской мысли у читателя. Обиліе цитатъ обыкновенно привлекаетъ того писателя, который изъ нихъ склеиваетъ про-

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что такое огульное дѣленіе критиковъ кантовой вещи въ себѣ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ истинѣ. Гегель, напр., не былъ ни субъективнымъ идеалистомъ и ни матеріалистомъ, а вещь въ себѣ критиковалъ, да еще какъ критиковалъ.

изведеніе, и, пожалуй, еще и того писателя, который изъ такого произведенія ихъ списываетъ.

Что же касается читателя, то онъ только тогда серьезно вникаетъ въ смыслъ приведенной выдержки, когда авторъ сумѣлъ своимъ собственнымъ анализомъ сдѣлать ее достаточно интересной. Въ противномъ случаѣ читатель бѣгло просматриваетъ цитаты, спѣша узнать мысли автора, который въ данный моментъ, естественно, занимаетъ его прежде всего и больше всего.

Перейдемъ теперь къ сути книги.

Раздѣляя ея общія положенія, постараемся, насколько это намъ позволяютъ размѣры рецензіи, отмѣтить главныя на нашъ взглядъ ошибки автора.

Нападая на защищаемую Г. В. Плехановымъ теорію символовъ, Ильинъ пишетъ:

„Плехановъ сдѣлалъ явную ошибку при изложеніи матеріализма“ (стр. 282). Ибо, „если ощущенія не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имѣющіе „никакого сходства“ съ ними, то „подвергается нѣкоторому сомнѣнію существозаніе внѣшнихъ предметовъ, ибо знаки или символы вполнѣ возможны по отношенію къ мнимымъ предметамъ, и всякій знаетъ примѣры *такихъ* (подчеркнуто авторомъ) знаковъ или символовъ“ (стр. 277) [1]. Сказано весьма рѣшительно, но энергическая форма этого разсужденія нисколько не мѣшаетъ ему быть ошибочнымъ отъ начала до конца.

Теорія, согласно которой ощущенія суть символы вещей, такъ же мало подвергаетъ сомнѣнію существованіе послѣднихъ, какъ мало подвергаетъ, напримѣръ, сомнѣнію математическая формула 2d, выражающая сумму угловъ въ треугольникѣ, существованіе треугольника. Разсуждая такимъ образомъ, Ильинъ, самъ того не подозрѣвая, беретъ аргументацію противъ теоріи символовъ изъ философіи Берклея. „Знаки или символы,— заявляетъ нашъ авторъ, — вполнѣ возможны по отношенію къ мнимымъ предметамъ“. Конечно, возможны. А развѣ галлюцинаціи, сновидѣнія и всяческія иллюзіи и заблужденія суть образы или копіи предметовъ?

Отвергая теорію символовъ и считая ощущенія образами или „неточными“ копіями вещей, критикъ Плеханова становится на дуалистическую почву, проповѣдуя платонизмъ наизнанку, а отнюдь не матеріалистическую философію, исходящую изъ единаго начала. Если бы ощущенія были образами или копіями вещей, то на какого дьявола, спрашивается, понадобились бы намъ вещи, которыя въ такомъ случаѣ дѣйствительно оказались бы вещами въ себѣ въ абсолютномъ смыслѣ этого слова? Признать ощущенія образами или копіями предметовъ значитъ снова создавать непроходимую дуалистическую пропасть между объектомъ и субъектомъ.

Теорія символовъ, *утверждая существованіе и субъекта, и объекта, объединяетъ оба фактора, разсматривая субъектъ, какъ своеобразный объектъ, а его ощущенія, какъ продуктъ взаимодѣйствія между двумя объектами, изъ которыхъ одинъ есть въ то же время и субъектъ*. На этой именно *объективной* и *монистической* точкѣ зрѣнія стоитъ современная наука.

Въ доказательство несостоятельности теоріи символовъ Ильинъ указываетъ на дуалистическіе выводы, которые были сдѣланы изъ этой теоріи Гельмгольцомъ.

Шаткое доказательство. Тотъ фактъ, что Гельмгольцъ, запутавшись въ

---

[1]) Этотъ доводъ выставляется противъ Гельмгольца, но онъ же является главнымъ доводомъ и противъ Плеханова.

кантіанствѣ, выводилъ изъ теоріи символовъ ложныя заключенія, доказываетъ лишь философскую непослѣдовательность знаменитаго естествоиспытателя, но не ошибочность этой теоріи.

Нѣтъ такой философской истины, исходя изъ которой, нельзя было бы при ея одностороннемъ развитіи придти къ ея прямой противоположности. И теорія символовъ не составляетъ, конечно, исключенія изъ этого правила.

Неосновательныя нападки нашего автора на теорію символовъ имѣютъ своимъ источникомъ его полное непониманіе сущности наивнаго реализма. Судя по разбросаннымъ, отрывочнымъ замѣчаніямъ, Ильинъ отождествляетъ наивный реализмъ съ матеріализмомъ, ставя эмпиріокритикамъ въ упрекъ, что они не настоящіе наивные реалисты. Это поистинѣ непозволительная ошибка для матеріалиста. Что такое наивный реализмъ? Наивный реализмъ есть точка зрѣнія человѣка, незнакомаго съ научнымъ объясненіемъ явленій природы. Такой наивный человѣкъ считаетъ звукъ, цвѣтъ, запахъ, теплоту, холодъ и т. д. объективными элементами. Эту именно точку зрѣнія защищаютъ эмпиріокритики, облекая ее въ тонкую метафизическую форму. Эмпиріокритики являются, такимъ образомъ, настоящими наивными реалистами. Само собою разумѣется, что между наивнымъ реалистомъ, такъ сказать, отъ природы и наивнымъ реалистомъ—теоретикомъ познанія есть громадная разница, но основа наивнаго реализма, которая сводится къ полному отождествленію психическаго и физическаго, остается для обоихъ одной и той же.

Матеріализмъ же стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что ощущенія, вызванныя дѣйствіемъ различныхъ формъ движенія матеріи, не похожи на объективные процессы, порождающіе ихъ.

Теорія символовъ связана, слѣдовательно, съ матеріалистическимъ объясненіемъ природы самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ. А отсюда слѣдуетъ, что не Г. В. Плехановъ, а Ильинъ „сдѣлалъ явную ошибку при изложеніи матеріализма“.

Не болѣе удачнымъ оказался и второй походъ, предпринятый Ильинымъ противъ Г. В. Плеханова.

Ильинъ цитируетъ изъ предисловія Плеханова къ „Людвигу Фейербаху“ Энгельса слѣдующія строки: „Одинъ нѣмецкій писатель замѣчаетъ, что для эмпиріокритицизма опытъ есть только предметъ изслѣдованія, а вовсе не средство познанія. Если это такъ, то противопоставленіе эмпиріокритицизма матеріализму лишается смысла, и разсужденія на эту тему о томъ, что эмпиріокритицизмъ призванъ смѣнить собою матеріализмъ, оказываются пустыми и праздными“. Критикѣ этой цитаты Ильинъ посвящаетъ небольшую главу подъ внушительнымъ названіемъ: „Ошибка Плеханова относительно понятія „опыта“. Въ этой главѣ Ильинъ, по обыкновенію, много цитируетъ, сопоставляетъ цитаты, что-то выясняетъ, а въ результатѣ приходитъ къ такому заключенію: „Выходитъ по Плеханову, что противопоставленіе взглядовъ Карстаньена, Авенаріуса и Петцольда матеріализму лишатся смысла!“ (стр. 170). Нѣтъ, совсѣмъ не то выходитъ по Плеханову, котораго Ильинъ абсолютно не понялъ. Плехановъ не отождествляетъ понятія опыта эмпиріокритиковъ съ понятіемъ опыта матеріалистовъ, какъ это ему, повидимому, желаетъ приписать Ильинъ, а говоритъ въ этой цитатѣ условно; если вѣрно, что эмпиріокритики смотрятъ на опытъ, какъ на предметъ изслѣдованія, то эмпиріокритицизмъ занимается не *теоріей опыта*, а *психологіей* и поэтому противопоставленіе эмпиріокритицизма матеріализму равносильно противопоставленію части цѣлому. Вотъ и все, что сказалъ Г. В. Плехановъ, мысль котораго, повторяемъ, Ильинъ не понялъ или не хотѣлъ понять.

Пойдемъ дальше.

Не выдерживаютъ ни малѣйшей критики главы книги, посвященныя разбору закона причинности и взаимоотношенія свободы и необходимости. „Вопросъ о причинности,— заявляетъ авторъ,— имѣетъ особенно важное значеніе для опредѣленія философской линіи того или другого новѣйшаго „изма“ (какой жаргонъ!), и мы должны поэтому остановиться на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе“ (стр. 173).

Ильинъ, какъ видите, понимаетъ серьезное значеніе этого вопроса и онъ дѣйствительно подробно останавливается на немъ, но качество не соотвѣтствуетъ, къ сожалѣнію, количеству, ибо въ обширной главѣ авторъ не только ничего не сказалъ по существу вопроса, но обнаружилъ непониманіе этой сложной проблемы. Зная критику Вундта, направленную противъ эмпиріокритицизма, Ильинъ даже не сумѣлъ воспользоваться справедливымъ указаніемъ лейпцигскаго мыслителя на то, что эмпиріокритицизмъ смѣшиваетъ понятіе cause съ понятіемъ ratio, причинность въ процессахъ природы съ логической зависимостью [1]).

Не менѣе слаба и глава „Свобода и необходимость“. Для характеристики содержанія этой главы достаточно указать хотя бы на слѣдующее мѣсто: „Энгельсъ,—пишетъ Ильинъ,— не занимается вымучиваніемъ „опредѣленій“ свободы и необходимости, тѣхъ схоластическихъ опредѣленій, которыя всего болѣе занимаютъ реакціонныхъ профессоровъ (вродѣ Авенаріуса) и его учениковъ (вродѣ Богданова). Энгельсъ беретъ сознаніе и волю человѣка — съ одной стороны, необходимость природы [2]) — съ другой и вмѣсто всякаго опредѣленія, всякаго дефинизма, просто говоритъ, что необходимость природы есть первичная, а воля и сознаніе человѣка вторичное. Послѣднія должны, неизбѣжно и необходимо должны приспособляться къ первой; Энгельсъ считаетъ это до такой степени самоочевиднымъ, что не теряетъ лишнихъ словъ на поясненіе своего взгляда (стр. 218). Хорошо, что взгляды Энгельса въ достаточной степени знакомы русской читающей публикѣ; въ противномъ случаѣ подобная ихъ передача могла бы компрометировать мыслителя. Энгельсъ, какъ это извѣстно и Ильину, примыкалъ по этому вопросу къ Гегелю, а Гегель разрѣшалъ вопросъ объ отношеніи свободы и необходимости не такъ просто, какъ это изображаетъ Ильинъ.

Далѣе, рѣшительно невозможно обойти молчаніемъ и способъ полемики автора.

Полемика Ильина, отличаясь нѣкоторой энергіей и настойчивостью, всегда отличалась въ то же время крайней грубостью, оскорбляющей эстетическое чувство читателя. Но когда грубость проявляется въ боевыхъ злободневныхъ статьяхъ, то ей можно найти оправданіе: на полѣ битвы нѣтъ ни времени, ни спокойствія для того, чтобы думать о красотѣ оружія. Но когда крайняя, непозволительная грубость пускается въ ходъ въ объемистомъ произведеніи, трактующемъ такъ или иначе о философскихъ проблемахъ, то грубость становится прямо-таки невыносимой.

Не соотвѣтствуютъ истинѣ и потому именно грубы и возмутительны эпитеты, которыми Ильинъ награждаетъ мыслителей изъ позитивистскаго лагеря. Авенаріусъ—„кривляка“ (стр. 94), „имманенты—философскіе Мень-

---

[1]) Philosophische Studien, B-д. 13, 1897. S. 325. Вундтъ ставитъ это смѣшеніе въ упрекъ Авенаріусу, но Вундтъ справедливо видитъ въ ученіи послѣдняго настоящій эмпиріокритицизмъ.

[2]) Замѣтимъ, между прочимъ, что выраженіе Энгельса „Naturnotwendikeiten“, означающее „необходимости въ природѣ“, Ильинъ перевелъ совершенно неправильно „необходимость природы“. Ясно, что въ этомъ неправильномъ переводѣ мысль Энгельса получаетъ апріорно-метафизическій характеръ.

шиковы" (стр. 142), Корнеліусъ — „урядникъ на философской каѳедрѣ" (стр. 256), „въ ноздревски-петцольдтовскомъ смыслѣ слова" (стр. 262). Или такой перлъ: „Пѣтухи Бюхнеры, Дюринги и К° (вмѣстѣ съ Леклеромъ, Махомъ, Авенаріусомъ и пр.) не умѣли выдѣлить изъ навозной кучи абсолютнаго идеализма" „діалектики—этого жемчужнаго зерна" (стр. 287). Уму непостижимо, какъ это можно нѣчто подобное написать, написавши, не зачеркнуть, а не зачеркнувши, не потребовать съ нетерпѣніемъ корректуры для уничтоженія такихъ нелѣпыхъ и грубыхъ сравненій!

Изъ русскихъ махистовъ достается отъ Ильина больше всего П. Юшкевичу. Съ Богдановымъ, Луначарскимъ и Базаровымъ онъ обращается куда вѣжливѣе. Это, должно быть, потому, что въ области политики Ильинъ, подобно всѣмъ махистамъ-большевикамъ, самъ принималъ всѣ свои ощущенія и всѣ свои представленія за реальную дѣйствительность.

Въ заключеніе два слова о положительныхъ сторонахъ „Матеріализма и эмпиріокритицизма" Ильина. Положительно и важно въ этой книгѣ прежде всего то, что авторъ горячо и страстно защищаетъ истину. Во-вторыхъ, книга не лишена отдѣльныхъ мѣткихъ и остроумныхъ замѣчаній. Въ-третьихъ, въ этой книгѣ чувствуется живой, свѣжій, бодрый и революціонный тонъ. Этихъ качествъ вполнѣ достаточно для того, чтобы рекомендовать читателямъ эту книгу, ибо существуетъ на бѣломъ свѣтѣ много книгъ, которыя пользуются большимъ успѣхомъ и которыя такими качествами не обладаютъ. *Ортодоксъ.*

Б. Е. Райковъ. Первыя работы по анатоміи и физіологіи. Руководство для практич. зан. въ средн. школѣ. Изд. Карбасникова. Спб. 1909 г.

Насколько мнѣ извѣстно — книга Райкова является однимъ изъ первыхъ въ русской литературѣ руководствъ для практическимъ занятій по анатоміи и физіологіи. Она заполняетъ, несомнѣнно, существовавшій пробѣлъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части, послѣ главы съ предварительными указаніями для работающихъ, слѣдуетъ глава, посвященная описанію практическихъ работъ.

Вторая часть содержитъ указанія къ работамъ для руководителей и совѣты по организаціи практическихъ занятій. Въ этой второй части преподаватель найдетъ для себя много цѣнныхъ практическихъ указаній и совѣтовъ, какъ наприм., цѣлый рядъ адресовъ магазиновъ, учрежденій и лицъ, къ которымъ можно обратиться за полученіемъ приборовъ, инструментовъ и матеріаловъ.

Всѣ сорокъ отдѣльныхъ работъ неодинаковы по своей трудности: часть изъ нихъ доступна и для учениковъ младшихъ классовъ, другая — предназначена для учениковъ средняго и старшаго возраста. Выполнить всѣ приведенныя работы въ теченіе одного учебнаго года совершенно невозможно, но преподаватель можетъ съ успѣхомъ выбирать работы, наиболѣе, по его мнѣнію, подходящія. Нельзя не пожалѣть, что области нервной системы и органовъ чувствъ удѣлено сравнительно очень мало мѣста, тогда какъ эта область чрезвычайно важна и интересна. Да и въ другихъ отдѣлахъ (кровообращеніе, пищевареніе) замѣчаются пробѣлы въ приведенныхъ примѣрахъ [опытахъ], и всѣ они нуждаются въ извѣстномъ пополненіи. Но пробѣлы эти вполнѣ неизбѣжны и могутъ быть исправлены только путемъ дальнѣйшаго опыта въ слѣдующихъ изданіяхъ этого руководства, которому нельзя не пожелать широкаго распространенія.

Евгеній Елачичъ.

БИБЛІОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ